

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВЛАСТЬ, СОБСТВЕННОСТЬ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Логика, которую я собираюсь оспаривать

Ближайшая судьба России, так или иначе, связана с тем, как в экономике страны будут сочетаться и взаимодействовать рыночные и государственные механизмы, как будут сочетаться различные формы собственности.

Логика доминирующих сегодня научных размышлений о судьбе собственности в современной России (и связанной с этим судьбе страны) выглядит обычно следующим образом.

Тезис 1-й. Частная собственность и рыночная экономика – одно из важнейших условий прогресса российского общества.

Тезис 2-й. Государство, политическая власть должны в максимальной степени обеспечить возможности для успешного функционирования и развития частной собственности.

Тезис 3-й. Пока условий для такого, успешного, функционирования и развития собственности в России нет: 1) Собственность «не защищена» от бюрократического произвола, от своеволия и «наездов» силовых структур, от постоянного, вредного для дела, государственного вмешательства. «Защищать частную собственность нужно прежде всего от действий чиновников разных рангов», - провозглашает Фонд «Либеральная миссия» («Права собственности, приватизация и национализация в России». М., 2009, с. 20). 2) Собственность в России не обладает для ее уверенного и стабильного развития признанием со стороны гражданского общества, его одобрением и поддержкой (т.е. тем, что на языке современной политологии называется «легитимностью»).

Тезис 4-й. Следовательно, в интересах прогрессивного, стабильного общества собственность нуждается в «усилении»

защиты и повышении легитимности. Для этого необходимо осуществить ряд реформ в политико-правовой и в политико-культурной сферах (далее следуют разные варианты предлагаемых авторами реформ).

Я буду возражать против этой схемы, против этой логики.

Вот опорные пункты моей позиции.

Авторы упускают из виду одно, важнейшее, обстоятельство. А именно то, что существуют два принципиально разных вида частной собственности: крупная и средняя (мелкая). И они играют существенно разные роли в функционировании социального бытия современной России. Они имеют разное отношение к тому, что называют «прогрессивным развитием». У них сильно различающиеся взаимоотношения с государством и гражданским обществом. Понимание этого требует их отдельного анализа.

Давайте же мы это разделение осуществим и посмотрим затем, к каким теоретическим и практическим следствиям это ведет

Начнем с разговора о **крупной собственности** (которая доминирует в экономической жизни страны, и потому когда авторы размышляют о «частной собственности», то имеют, как правило, в виду именно эту – *крупную частную собственность*). Действительно ли перед российским обществом стоит такая задача: «защищать» её и найти способы её «легитимации»? Или, может быть, задача совсем-совсем другая?

Чтобы ответить на эти вопросы, уясним, прежде всего, сущность этой крупной частной капиталистической собственности.

Первое, что следует иметь в виду – что это не просто *частно-капиталистическая* собственность, но – *частно-государственная капиталистическая* собственность. Или так: *государственно-капиталистическая частная* собственность.

Какие имеются у нас основания, чтобы так ее характеризовать?

В этом плане особенно показательны три рубежа, три этапа становления крупного капитала – при решающем участии в этом процессе государственных институтов:

1-й этап (конец 80-х-самое начало 90-х гг). «Приватизация до приватизации» (как удачно назвал ее Егор Гайдар).

2-й этап (92-94гг) – ваучеризация (по Чубайсу).

3-й этап (95-98 гг) – «залоговые аукционы» (которые точнее было бы назвать «залоговыми *аттракционами*»).

Вглядимся повнимательнее в содержание этих этапов – и мы увидим, как при решающем участии государственной бюрократии происходит то, что можно назвать «*первоначальным накоплением крупного капитала*».

Приватизация до приватизации (или номенклатурная приватизация)

*Номенклатура... шла на запах собственности,
Как хищник идет за добычей.*

Е. Гайдар

В значительной части массового (да и научного) сознания существует твердая уверенность, что «приватизация» началась в 90-е годы с гайдаровских реформ и чубайсовской ваучеризации. И что «при советской власти», в пору правления КПСС, приватизации и частной собственности не было. По определению: ну, как же – «социализм», «общественная собственность»! А между тем, дело приватизации и формирование первых крупных капиталов началось за несколько лет до воцарения Ельцина и его «министров-реформаторов». Всё началось «при социализме», «при КПСС», во времена Горбачева.

Это была так называемая приватизация «до приватизации» (т.е. до того, как – в 90-е годы – она пошла открыто, масштабно, осененная системой «законов» и «указов»). А в горбачевские времена она ползла во многом тайно, под прикрытием вполне «посоциалистически» звучащих решений и указаний: *создание и развитие кооперативов* (а что тут такого, крамольного, с

«социалистической» точки зрения? ведь о кооперации, как форме социалистической деятельности писал сам Ленин!); расширение прав трудовых коллективов, получающих право свободно и суверенно определять экономическую жизнь своего предприятия и более свободно распоряжаться получаемой от производства и продаж прибылью (а чем это не «по-социалистически»? ведь, у всех на слуху был лозунг: «фабрики – рабочим!»); более широкое введение хозрасчета – на всех уровнях производства (создавая тем элементы рыночной экономики, что предусматривалось, как известно, ленинской стратегией НЭПа); демократизация управления: выборы директоров и других руководителей производства.

Но все эти милые, демократически и социалистически звучащие лозунги на практике превращались в способы первоначального капиталистического накопления, в перекачку общественных средств и фондов в частные руки.

Расширение «прав трудовых коллективов», «выборность администрации» оборачивались «расширением прав» администрации, директорского корпуса. Директора госпредприятий («избранные» трудовым коллективом, и потому ответственные, в первую очередь перед ним) в значительной степени выходили из-под контроля государственных органов, а «ответственность перед коллективом» оборачивалась, по большей части, своеволием администрации и директорской диктатурой, ибо сплоченная общим интересом, хорошо организованная, сросшаяся с местными партийными и государственными властями заводская бюрократия легко переигрывала привыкшую к покорности, подчиненную и слабо разбирающуюся в финансовых тонкостях рабочую массу. Предприятия становились, по сути, частной вотчиной администрации, реально – ее собственностью. А к этому процессу фактической приватизации с огромным эффектом подключалась и государственная бюрократия (распоряжавшаяся большими хозяйственными комплексами, огромными государственными материальными ресурсами). Власть, таким

образом, конвертировалась в собственность. Шел обмен номенклатурной власти на собственность.

Суть этого процесса неплохо описана хорошо знавшим изнутри тогдашнюю жизнь номенклатурного сословия сотрудником журнала «Коммунист» (органа ЦК КПСС) Е.Т. Гайдаром: «Приватизация официально не провозглашается, открыто не проводится, но реально она идет «совершенно секретно», идет только в своем кругу, для своих»¹. И дальше – очень верно и точно (если бы только Егор Тимурович столь же проницательно и самокритично смог описать итоги проведенных им реформ 90-х годов!): «Так складывалось поистине идеальное для бюрократии решение: по способу присвоения они оказываются в роли владельцев, «сами себе капиталисты», но по степени ответственности они не только не капиталисты, но даже и не традиционные чиновники — дисциплина предельно ослаблена. Если же прибавить к этому еще одно: создание при различных госпредприятиях своих (принадлежащих родным и близким директоров) кооперативов, ТОО, МП, СП и т.д., экономический смысл которых «обналичивать», «отмывать» деньги для номенклатуры, то получается поистине гениальное решение. Открыты все пути для обогащения, сломаны все рычаги ответственности. Это положение «приказчика», «слуги государства» при том условии, что хозяина нет, государство парализовано». И - вывод: «Номенклатуре (директорам, руководящим чиновникам Совмина, генералам ВПК и КГБ, секретарям обкомов и райкомов и т.д.), которая действительно ради обретения собственности шла на смену системы, поступалась частью своей административной власти, нужен был другой вариант обмена: приобрести собственность и сохранить гарантию власти. Им нужно было, чтобы собственность в стране двигалась не под влиянием рыночных законов, а по-прежнему в магнитном поле власти. Номенклатура хотела растащить систему (госсобственность) по карманам и вместе с тем сохранить

---

¹ Гайдар Егор. Власть и собственность. СПб., 2009. С. 287.

элементы этой системы, дающие гарантию власти над собственностью»².

Это – именно то, о чем писали мы в начале нашей статьи.

А для большей наглядности и большей убедительности наших утверждений перечислим основные конкретные шаги «номенклатурной приватизации» **80-х – начала 90-х годов.**

19 ноября 1986 г. – Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», легализовавший частное предпринимательство, а также аренду на базе семейного подряда.

30 июня 1987 г. – Закон «О государственном предприятии (объединении)», предоставивший предприятиям значительную самостоятельность, в том числе право реализации части продукции по договорным ценам и свободного расходования вырученных средств.

26 мая 1988 г. - Закон «О кооперации в СССР».

Напомним, что в данный период сохранялась и действовала система распределения ресурсов по «плановым» ценам. Именно поэтому продукция, продававшаяся по договорным ценам, характеризовалась низкими издержками и позволяла получать ощутимую прибыль, которая могла использоваться *директорским корпусом* по своему усмотрению. В частности, вырученные средства вполне могли направляться в создаваемые при госпредприятиях *кооперативы*, возглавлявшиеся либо самими *директорами*, либо их доверенными лицами.

3 июля 1990 г. – важный рубеж, когда принят Закон, обозначавший постепенный переход от скрытой приватизации к приватизации легальной и открытой, но сохраняющий суть шедшего прежде процесса – активнейшее участие партийного и государственного чиновничества в приватизации. Мы говорим о Законе «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР».

---

² Гайдар Егор. Власть и собственность. СПб., 2009. С. 286-287.

Закон этот определял перечень и компетенцию *государственных* органов, уполномоченных проводить приватизацию, порядок и способы приватизации государственных и муниципальных предприятий. Он предусматривал пять способов приватизации государственной собственности: продажа предприятия по конкурсу, на аукционе, продажа долей (акций) в капитале предприятия, выкуп арендованного имущества, преобразование предприятия в акционерное общество. В соответствии со статьей 3 Закона цели и порядок приватизации должны были быть установлены *Государственной* программой приватизации, утверждаемой высшим законодательным органом.

Как следствие всех этих законов, отмечают авторы фундаментального труда по истории приватизации в России, прежняя, сложившаяся при советской власти государственная система начала стремительно утрачивать контроль за действиями врывающихся в приватизационное пространство чиновников, нового типа хозяйственников, формально продолжавших оставаться наемными государственными служащими. Фактические же действия этих «госслужащих» представляли собой процесс спонтанной «*номенклатурной приватизации*» - преобразование министерств в концерны, ассоциации, холдинги, создание на базе государственных предприятий акционерных обществ, в которых контрольный пакет акций принадлежал *государству*. Они считают, что «размах номенклатурного разворовывания» в этот период намного превосходил все, что случилось в эпоху реформ 90-х³. Хотя, добавим от себя, что и в 90-е годы бюрократия и новые русские не стеснялись народными богатствами набивать свои карманы. Но авторы названной монографии совершенно правы, подчеркивая, что присвоение народных богатств частными лицами началось до гайдаровских реформ, и шло это присвоение серьезными темпами и масштабами, и что среди этих «присваивающих лиц» доминировали члены номенклатурных кланов.

---

³ См. «Права собственности, приватизация и национализация в России», М., 2009, с. 230-247

Надо сказать, что такой тип приватизации, пожалуй, является **законом для бюрократических режимов, приоткрывающих шлюзы для движения частной собственности.** Ряд исследователей уже обращали внимание на любопытнейший и поучительнейший анализ подобного процесса, происходившего в годы нэпа – анализ, осуществленный одним из талантливейших экономистов той эпохи – Юрием Лариным. Так, перечисляя способы «деятельности частных капиталистов», он указывает на наличие их «соучастников» и «агентов» в государственном аппарате. «В составе государственного аппарата, - фиксировал Ю.Ларин, - был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц, которые... служа в хозорганах... в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли вовсе госорганы и «становились на собственные ноги». «Под лжегосударственной формой существования частного капитала, - пишет он далее, - я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия... На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным изготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, изготовитель и т.д., считаясь государственным служащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному»⁴. Кажется, Юрий Ларин описывает нашу ситуацию – 80-х – 90-х годов XX века! Такой повтор ситуаций лишней раз указывает: совпадение не случайно. Это, повторяем, по-видимому, **Закон перехода**, скажем

---

⁴ См. Ларин Ю. Частный капитал в СССР// Антология экономической классики. Т 2. М., 1993. С. 446.

так, от государственно-бюрократической общественной формации к государственно-капиталистической.

Или так: Закон превращения корпоративно-бюрократической (государственно-бюрократической) собственности в государственно-капиталистическую.

Формирование олигархической собственности **(шаг за шагом)**

И – дальнейшие шаги уже легальной, открытой приватизации (но, повторяем, сохраняющей ту же логику предшествующего периода – в основе которой сращивание, в лоне крупной частной собственности, частных предпринимателей и государственных чиновников).

29 января 1992 г. – Указ Президента РФ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»

11 июня 1992 г. – утверждение Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий.

И, наконец, два важнейших рубежа:

Ваучерная приватизация. 14 августа 1992 г. – Указ Президента РФ «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации».

Этот Указ устанавливал следующую схему чековой, или ваучерной, приватизации. Государственная собственность, оцененная в совокупности в 1,5 трлн руб, бесплатно и поровну «распределялась» между всеми гражданами страны (примерно 150 млн человек) Каждый житель, соответственно, получал ваучер номинальной стоимостью 10 тыс. руб., которым он мог свободно распорядиться по своему выбору: 1) обменять на акции своего предприятия в ходе закрытой подписки, 2) участвовать в чековом аукционе, 3) купить акции посреднических организаций чековых инвестиционных фондов (ЧИФов), 4) просто продать или подарить.

Исходя из содержания Программы приватизации, после ее принятия считалось, что основным способом приватизации станет

конкурсная или аукционная продажа предприятий. Однако после издания 1 июля 1992 г. Указа Президента РФ № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» все альтернативные способы были на деле вытеснены акционированием, дававшим возможность продажи не предприятия целиком, но его акций. Ваучеры, розданные населению, через одну из первых трех из перечисленных выше четырех форм их использования, как раз и выступили платежным средством при приобретении акций.

Для понимания последствий использования свободно обращавшихся ваучеров как средства приобретения акций предприятий важно учесть, что около половины граждан, получивших ваучеры, продали или подарили их, добровольно отказавшись участвовать в приватизации. Соответственно, были и те, кто купил приватизационные чеки. Среди покупателей, насколько можно судить по имеющимся публикациям, преобладали частные лица — либо действующие менеджеры средних и крупных предприятий, стремившиеся увеличить свою долю в их акциях сверх той, что предполагалась по избранному предприятием варианту льгот, либо граждане, не бывшие менеджерами приватизируемых предприятий, но стремившиеся стать их владельцами. Разумеется, они приобретали ваучеры не самостоятельно, а через тех или иных посредников, однако общим условием их действий, — учитывая развернувшийся в тот период мощный инфляционный процесс, хроническую нехватку оборотных средств предприятий, обостряющийся бюджетный дефицит и т.п., — был доступ к средствам банковских структур, и в первую очередь к бюджетным средствам, как наиболее значительным по масштабам. *Поскольку такой доступ прежде всего зависел от близости гражданина к тем или иным властным структурам, распорядившимся бюджетом, получалось, что масштаб участия в массовой приватизации на деле определялся властью, а не наличием у гражданина приватизационного чека.*

Именно это обстоятельство - *резкое неравенство граждан в доступе к акциям предприятий, связанное с неравенством в отношениях с властью*, является базовой причиной для оценки чековой приватизации как **несправедливой**.

Другой источник возникшего ощущения **неравенства и несправедливости** приватизации — асимметрия в доступе к информации о приватизируемых предприятиях, их текущем финансовом положении и, главное, перспективах роста и развития. Информации, на основе которой можно было бы принять разумное решение о вложении ваучеров, просто не было. Очевидно, что речь идет не столько об общих знаниях отдельного гражданина об экономике (которых в тот период было очень и очень мало), сколько именно о доступе к информации, которая концентрировалась в первую очередь опять-таки во властных структурах. А власть отнюдь не стремилась делиться этой информацией.

Накопление продаваемых гражданами приватизационных чеков в руках немногих привело к тому, что уже на этом этапе появился ряд крупных собственников, ставших впоследствии известными как «олигархи» (М. Фридман, О. Дерипаска, В. Богданов, К. Бендукидзе и др.).

Чековые инвестиционные фонды (ЧИФы) в очерченных условиях образовывались как организации, деятельность которых была направлена на оказание помощи населению в инвестировании приватизационных чеков (ваучеров) и обеспечение профессионального управления активами. По замыслу реформаторов, ЧИФы должны были стать новыми «институциональными инвесторами» на формирующемся рынке ценных бумаг, новыми крупными акционерами приватизированных предприятий, способными эффективно противостоять действиям менеджеров предприятий.

Идея создания ЧИФов, безусловно, была совершенно правильной. В условиях практически полного отсутствия знаний у населения о рынке ценных бумаг для граждан было весьма

привлекательно сдать свои ваучеры в ЧИФ и получить взамен акции этого ЧИФа, предоставив фонду решать, куда направить инвестиции и как управлять портфелем приобретенных акций с целью минимизации риска и максимизации прибыли. Отдельно взятому акционеру ЧИФа оставалось после этого только получать дивиденды, не прилагая никаких усилий и не вникая во все тонкости фондового рынка.

В действительности все получилось по-другому. Во-первых, проблемой для ЧИФов стало двойное налогообложение их доходов. Поскольку ЧИФ по своей организационно-правовой форме был акционерным обществом, он должен был на общих основаниях платить налог на полученную им прибыль, а затем уже акционеры фонда также должны были заплатить подоходный налог на полученный в качестве дивидендов доход.

В результате суммарные налоговые выплаты достигали 47—50% первоначально полученной фондом прибыли, существенно снижая доходность вложений в ЧИФы. Соответственно, в 1993г., например, ни один ЧИФ в России не выплатил дивидендов.

Во-вторых, у ЧИФов в их инвестиционной деятельности не было свободы маневра. Они не имели права выдавать гарантии, выпускать и приобретать долговые обязательства, заключать сделки, не связанные с инвестициями. Были ограничения и на структуру активов ЧИФов: так, они не имели права приобретать более чем 10% акций одного эмитента, размер собственного капитала, который они могли направлять на приобретение акций одного эмитента, не мог превышать 5% и т.д. Понятно, что предусмотрено это было в целях распределения рисков — «не держите яйца в одной корзине», — но в результате негативно сказывалось на доходности инвестиционных фондов, еще более снижая возможности обеспечивать акционерам хоть какие-то ощутимые доходы. Напомним, что инфляция в те годы была очень высокой, так что выплаты дивидендов в конце года вполне могли превратить средства, заработанные в его начале, практически в ничто.

В-третьих, контроль за деятельностью ЧИФов на практике осуществлялся весьма слабо, если вообще осуществлялся. Как следствие, деятельность ЧИФов была совершенно непрозрачной. Руководство части из них просто скрылось с чеками и деньгами акционеров.

Таким образом, можно констатировать, что задача оказания эффективной поддержки гражданам на начальном этапе их инвестиционной активности осталась не решенной. Более того, ЧИФы на долгие годы заронили в сознание людей недоверие к частным инвестициям, осуществляемым не напрямую, а через посредников. Это недоверие было закреплено впоследствии всевозможными «пирамидами» (типа МММ), банковским кризисом и дефолтом 1998 г.,

31 августа 1995г. Залоговые аукционы (будет правильнее сказать: залоговые аттракционы). Президент РФ подписал Указ «О порядке передачи в 1995 году в залог акций находящихся в федеральной собственности». В декабре того же года состоялись аукционные «торги» — полученные от продажи акций 12 крупнейших предприятий средства составили 5,1 трлн руб.

По оценкам большинства исследователей, несмотря на существенное отличие формы залоговых аукционов от ваучерной приватизации, по существу, эти аукционы продолжили «традиции распределения государственного имущества среди «назначенных» граждан. Так, характеризуя данный этап приватизации, известный экономист Я.Ш. Паппэ писал:

«...победители аукционов в каждом случае фактически определялись заранее, причем попытки конкуренции жестко пресекались» (см. Паппэ Я.Ш. «Олигархи». Экономическая хроника. 1992-2000. М., 2000. С. 34).

В отличие от большинства предприятий, приватизировавшихся на предшествующем этапе, объекты залоговых аукционов были крупными прибыльными предприятиями, действовавшими в основном в сырьевой сфере. Действительно, в 1993—1994 гг. государство фактически «сбрасывало» в обмен на ваучеры

убыточные или бесприбыльные предприятия, постоянно требовавшие бюджетных дотаций. Следовательно, обмен этой дополнительной нагрузки на дефицитный бюджет на ваучеры, выданные гражданам, был чрезвычайно выгоден государству (но, в силу указанных выше причин - не гражданам получавшим лишь плохо определенные и слабо защищенные права собственности, превращение которых в прямые выгоды оказывалось очень сложным, практически неподъемным делом). Ясно, что приватизация за «живые» деньги неэффективных предприятий была невозможна, поэтому сама по себе продажа именно эффективных предприятий для пополнения доходов бюджета была вполне понятной и оправданной. Однако «техника» такой продажи вызывала и вызывает самые серьезные сомнения.

Обустроенные государством Залоговые аукционы никакими «аукционами» на самом деле не были. Просто вожаки государственной администрации создали условия, чтобы без всякой конкуренции по дешевке распродать «назначенным людям» (не забывая и про себя любимых) высоко прибыльные предприятия.

«Главная особенность российской экономики, - верно и точно пишет доктор экономических наук Г.А. Явлинский, - заключается в том, что государство в лице своих административных органов является основным центром принятия решений относительно деятельности крупнейших негосударственных предприятий. Ключевые хозяйственные решения в негосударственном секторе делаются, по меньшей мере, с оглядкой, а чаще всего — в прямой зависимости от мнения высшей государственной бюрократии»⁵.

И главная итоговая формула: «Другими словами, речь идет ... о *сращивании верхушки государственного чиновничества и хозяйственной элиты*»⁶.

А сращивание, слияние бизнеса и власти — есть основной признак того, что называют олигархией.

---

⁵ Григорий Явлинский. Российская экономическая система. Настоящее и будущее. М., 2007. С. 80.

⁶ Григорий Явлинский. Российская экономическая система. Настоящее и будущее. М., 2007. С. 80.

Потому нашу государственно-монополистическую собственность следует назвать **олигархической** собственностью, а государственно-монополистический капитал **олигархическим** капиталом. А если учесть его во многом «бесчестное», криминальное происхождение, то окончательным названием нашего капитала будет: **криминально-олигархический капитал**.

Место олигархической собственности на шкале исторического прогресса (оценочный анализ)

Прежде всего, напомним о существовании весьма распространенного утверждения, что частная собственность является необходимым условием прогресса. Так вот. Доминирующая часть нашей «частной собственности» является крупной собственностью *олигархического* типа. И в этом качестве никаким «условием прогресса» она не является. Это – форма социально-политической **реакции**. В ней нет ни грана прогресса. Она – реакция со всех сторон. Она – знак бедствия.

Почему же это знак бедствия?

Разговор об этом я бы начал с ... «децильного коэффициента» - так, несколько вычурно, обозначает современная политическая наука соотношение богатств 10% самых богатых и 10% самых бедных людей: во сколько раз совокупный доход первых превышает совокупный доход вторых. Это очень важный показатель: он указывает степень разрыва между социальными слоями, масштаб противостояния общественных сил, уровень его напряженности. Считается: когда этот «децильный коэффициент» не превышает 3-7, то общество находится в нормальном, достаточно стабильном состоянии. Ибо в этом случае отсутствует жесткая поляризация социальных сил, нет оснований для возникновения раздирающих общество социально-политических антагонизмов.

У нас, в России, по общепринятым данным, коэффициент этого разрыва доходов равен 14, а в Москве (этом главном ядре, в этом всеопределяющем пункте общероссийской социальной системы) –

41 (!). И это – по официально признанным данным, в действительности он значительно выше и продолжает нарастать просто чудовищными темпами (например, по данным ученых из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, коэффициент составляет 50-55). Достаточно сказать, что при низжайшем уровне жизни, гнетущей бедности основной массы населения мы на 2-3 местах по числу долларовых миллиардеров. И число их, несмотря на все кризисы, продолжает расти гигантскими темпами: в 2010 – 62 и в 2011 – 101.

Вот эти 10% «богатых», эти сто семейств миллиардеров и являются действительными хозяевами нашей жизни (разумеется, в тесном союзе с основной массой высшего чиновничества). И их хозяйничанье – это большое несчастье для страны.

Потому, **во-первых**, что эта «монополия олигархической сотни» напрочь разваливает национальную экономику. Это, ведь, - конец нормальной экономической конкуренции и свободного, демократического, цивилизованного рынка. Эти сто семейств властно диктуют правила поведения, жестко определяют характер деятельности *всех* экономических субъектов, подавляя самостоятельность среднего и малого бизнеса, подчиняя своему диктату деятельность государственных предприятий.

Печальным по своим результатам было планирование советских времен: административно-чиновничий раж, жесткая мелочная опека всего и вся душили инициативу производителей, лишали их стимулов успешной, активной деятельности. И всё-таки тогда – пусть в уродливых формах – но чувствовалось стремление учитывать *общественные* интересы и потребности. Экономическое же самодержавие «ста семейств» совершенно исключает всякий разговор об *общественных* потребностях и *национальных* интересах. Тут доминирующий мотив деятельности: максимальная прибыль в возможно более короткие сроки и любыми способами. А кратчайший путь к этому – захват, эксплуатация и распродажа (в первую очередь, - за рубеж, где более надежный и развитый рынок) природных ресурсов страны. И – превращение национального

«рынка» в некую систему бесконтрольной деятельности монополистического, олигархического, криминально-рекитирного капитала. С использованием в этих целях не только экономической миллиардно-долларовой мощи, но и средств прямого насилия – осуществляемые через создаваемые олигархами отряды частной вооруженной охраны, через оплачиваемые ими коррумпированные круги чиновничества политических и силовых ведомств.

Потому, **во-вторых**, что самодержавно господствующий криминально-олигархический капитал губителен не только для национальной экономики, но и, что не менее важно, - для всей культуры общества. Многие века мудрые гуманисты в истории человечества мечтали о создании общества, где стало бы возможным *всесторонне и универсальное развитие каждого человека*. Для криминально-олигархического капитала всё в этом мире (и человек, в первую очередь) – это **средство** для приумножения его барышей. Люди для него – это приставленный к нефтяной вышке или газовой трубе рабочий скот (желательно - чтобы бесправный, работающий без ограничения времени и за нищенскую зарплату). Криминально-олигархическому капиталу не нужны социальные программы (вычет из прибылей!). Он будет делать всё, чтобы уйти от налогов или сократить их до минимума (тема национального бюджета его не волнует).

Ему не нужна система образования, которая способствовала становлению самостоятельно мыслящих, всесторонне (технически и гуманитарно) образованных людей. Его идеал – безропотные исполнители, гнущие спины за кусок хлеба; ему нужно бессловесное, обслуживающее его быдло. Через угодливых и хорошо оплачиваемых чиновников он вторгается в систему образования, коммерциализируя, корежа ее.

Он уничтожает систему государственно-медицинского обслуживания граждан. Создавая для своего круга «элитные» поликлиники и больницы с суперсовременным оборудованием и повышенной оплатой медперсонала, он доводит до нищенского

уровня государственные медицинские учреждения («здоровье нации» - это не из его лексикона)

Он уничтожает художественную культуру нации, оплачивая, продвигая, навязывая для «быдла» те предельно пошлые, «блевотные» телесериалы и шоу-действия.

И, наконец, «жилищный» вопрос. Для нации он сегодня становится вопросом номер один. Ибо это самое первое условие выживания – крыша над головой. Вон они стоят по всей Москве выстроенные лужковской командой полужаселенные небоскребы – с квартирами по совершенно недоступным, просто по заоблачным для нормальных людей ценам. Недавно увидел, как олигархическое телевидение честит Никиту Хрущева – и такой-то он, и сякой. И я понимаю, почему он так ненавистен олигархам: он всерьез пытался сделать хоть что-то полезное для граждан. И в экономической, и в политической сферах. И среди прочего – его «хрущобы». Ах, как потешается над ними в своих многосотметровых апартаментах современная криминально-олигархическая братия - над их низкими потолками, совмещенными сануздами, малюсенькими кухнями и жалкими, недолговечными панельными стенами... Но мы-то, современники тех лет, знаем, что это была настоящая народная жилищная революция – великая, по масштабам и возможностям того времени. Сколько сотен тысяч семей переехало тогда из подвалов, бараков, коммуналок в новое (и заметим: практически *бесплатное*) жилье. Разве сегодня от этих новых хозяев жизни можно ожидать такого?

Нуждается ли олигархическая собственность в «защите»?

И вот теперь по поводу этого расхожего тезиса, что крупная частная собственность «не защищена» от произвола чиновничества. После всего нами сказанного такая постановка вопроса поражает своей нелепостью. Ведь чиновник, наряду с частным предпринимателем, есть второй субъект современного крупного российского капитала. Он - полноправный партнер частного предпринимателя, он его сособственник. И, естественно, государство, этот коллективный орган, коллективный инструмент

чиновничества, всеми возможными способами и силами защищает государственно-монополистическую собственность. Её «незащищенность есть миф, распространяемый либо по наивности его распространителей, либо с сознательным лукавством.

То, что внутри этого тандема «предприниматель-чиновник» возникают время от времени коллизии – это их внутрисемейные разборки. И только.

Иначе говоря, крупный, государственно-монополистический, капитал надежнейшим образом защищен. Защищен всей мощью современного российского государства, всеми структурами современного политического режима.

Мы сказали: «защищен»! Но теперь настала пора прояснить: а от кого же он так надежно «защищен»? Да от граждан России, от гражданского общества, которое в массе своей не признает оправданность и справедливость существования этой собственности. Иначе говоря, для гражданского общества она **нелегитимна**.

Иначе говоря, надо не «частную собственность» «защищать» от «государства», а общество (гражданское общество) – от государственно-монополистической частной собственности. **Защитить страну и народ от разрушительного воздействия государственно-монополистического (криминально-олигархического) капитала** – вот решения какой задачи требуют «условия прогресса российского общества».

Необходимость *такой* защиты всё более осознается гражданским обществом России. Всё яснее вырисовывается задача: вести дело к *ограничению, сужению власти* государственно-монополистического капитала, а в перспективе и вовсе – к ее *упразднению*. Сегодня эта задача осознается обществом в форме отказа в легитимации этому виду частной собственности, этому виду капитала.

Теоретики же, которые видят в крупной частной собственности «условие прогресса» общества, естественно, опечалены, что она в

массовом сознании признается *нелегитимной* – это-де снижает уверенность и размах в действиях частных собственников. Поэтому главную задачу эти теоретики видят в изобретении способов и мер, в составлении программ, направленных на повышение «легитимности» частной собственности в глазах граждан. Предлагаются, например, программы широких пропагандистско-просветительских кампаний в СМИ, призванных разъяснить гражданам «справедливость» и «прогрессивность» крупной частной собственности.

Любопытно, что среди главных аргументов в пользу ее «легитимности» приводится ссылка на то, что основная масса крупной частной собственности – *законна*. Что она вовсе не криминальна, ибо «криминал» - это нарушение закона, это действия, идущая вразрез с законом. А указанная частная собственность, говорят нам, возникла-де на *основе* официально принятых **Законов и Указов** (и ваучеризация, и залоговые аукционы осуществлялись не «помимо» законов, а на их основе). И потому эта собственность – **законна**, т.е. **легальна**. Так в теоретические рассуждения вводится еще один важный политологический термин, указывающий на то, что данное явление сформировалось в рамках *закона*. И получается у этих теоретиков. Что представление о «нелегитимности» указанного вида собственности возникло как бы «по недоразумению», вследствие «недостаточной информированности» граждан. И потому надо развеять это «недоразумение», показав «подзаконность», «некриминальность» (т.е. – **легальность**) этой собственности. Легальностью побить легитимность! В общем, через осознание «легальности» привести общество к осознанию «легитимности».

Но тут вот, ведь, какая история. Да, отвечает на эту логику гражданское общество, эти миллиардные состояния создавались (по большей части) на основе законов. Но сами эти «законы», процесс их принятия, их «протаскивания» был сопряжен с обманом и жульничеством. Поэтому, говорит массовое сознание, сами эти «законны» - незаконны! Мы, говорят граждане, отказываемся

считать их «законными», сами законы для нас *нелегитимны!* И потому возникшие на их основе состояния олигархов для нас – не законны, не легальны и не легитимны!

Кстати, на эту сторону дела обращает внимание известный ученый, доктор экономических наук Г.Н. Цаголов в только что вышедшей книге «Конвергенционный набат». Вот цитата из нее: в ней всё – и о сущности нашей «крупной собственности», о том, насколько она «легальна», насколько «легитимна», насколько она служит «делу прогресса».

«Капитализм, пишет профессор Цаголов, - капитализму рознь. Так же как предпринимательский класс: он бывает прогрессивным и реакционным. Все зависит от обстоятельств. Миллиардеры во многих странах являются локомотивами социального и технического прогресса и получают вполне по заслугам.

Билл Гейтс - самый богатый человек в США. Информационные технологии его «Майкрософт» изменили облик всего человечества. Ингвар Кампрад — самый богатый из шведов. Основанная им фирма ИКЕА повсюду славится производством и продажей недорогой мебели и предметов домашнего обихода. Микеле Ферреро самый богатый человек в Италии. Шоколадная продукция одноименной группы его компаний с успехом реализуется в 50 странах мира.

Ну, а наши миллиардеры? Связан ли их успех с социальным или научно-техническим прогрессом? Можно ли говорить о них как о меритократии России? Нет, конечно. Почему?

Российский капитализм, как известно, рос и утверждался на базе топорно проведенной приватизации и пресловутых залоговых аукционов, приведших к расцвету криминалитета и расхищению прежней социалистической собственности. Из приближенных ко двору по большей части нечистоплотных дельцов были наспех выпестованы олигархи с их повадками задарма завладевать тем, что создавалось упорным трудом многих поколений нашего народа. Как недавно подмечали бывшие мэры Москвы Ю.Лужков и Г.Попов: «Возникал слой собственников, сформировавшийся без

борьбы в рыночной конкуренции, без публичного контроля. Эти предприниматели были чужды главного - предпринимательских навыков в производстве. Зато они были изощрены в отношении подкупа всех участников дележа собственности государства: администраторов, директоров, милиционеров прокуроров, судей, журналистов и т.д.». (Уж эти-то господа хорошо знали всю подноготную приватизационных процессов! Заметим только, что в цитате этой, между прочим, замечательно нарисован портрет самого Лужкова – с миллиардершей Батуриной и криминальным воротилой Бородиным из Московского банка – на заднем плане. – Г.В.)». «В дополнение к этому, продолжает Цаголов, - новоиспеченные магнаты восприняли худшее из того, что имелось на Западе. Все это означало, что ни о какой конструктивной экономической модели здесь не могло быть и речи. Преимущественно криминально-спекулятивный её характер выражался в полном отсутствии интереса к развитию технологий. Основной капитал не обновлялся. А получение прибылей определялось рейдерством и всевозможными финансовыми махинациями с активами. Захват отраслей, добывающих природные богатства страны, стал для олигархов задачей первостепенной важности. Экспортируя сырье, получались баснословные прибыли. Потребительские товары и продовольствие преимущественно импортировались. Такая экономическая модель естественно обрекала страну на дальнейшую деградацию и зависимость от мирового рынка. «Заработанные» миллиарды олигархи направляли на скупку вон в еще не занятых сферах и их последующую монополизацию. А захватив целые сектора экономики в свои руки, они имели возможность получать сверхдоходы и без модернизации. Это накладывало на экономику печать *паразитизма и загнивания*. И происходило это нарушение, а в силу внутренне сложившейся у нас модели общества. По расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы наш бизнес во многие разы уступает передовым странам. 20 лет назад мы отставали по производительности труда от США в три с лишним раза. Точно также отстаем и сейчас. Зато по темпам

роста числа долларовых миллиардеров мы идем впереди планеты всей. С 1997 по 2008 годы их число возросло с 4 до 110 человек, в 27 раз, а совокупные состояния этой группы увеличились с 8 до 522 млрд. долл. — в 65 раз! Это свыше 30% годового валового продукта нашей страны. В Японии же, к примеру, всего 25 миллиардеров, общие богатства которых немногим превышают 1% национального ВВП»⁷.

И снова: когда критикуемые нами теоретики печалются по поводу отсутствия «легитимации» этой собственности и намечают меры и способы, ведущие к ее «легитимации», мы возражаем: не печалиться надо по случаю отсутствия легитимации, а — радоваться. Ибо в отказе в легитимации — предпосылка того, что общество созрело для борьбы с олигархическим господством, с криминально-олигархическим капиталом.

А дальше встает вопрос: о формах и способах такой борьбы — за ограничение, а впоследствии и упразднение власти олигархического господства. К кому обращаться с этим? Кому нести свои предложения и программы?

Из уже сказанного нами, думается, ясно: обращаться следует не столько к государственным структурам, сколько к гражданскому обществу. Оно — главный субъект противостояния олигархии.

И — дальнейшие вопросы: если не олигархическая собственность, то какие виды собственности могут быть действительными «условиями прогресса»? Как формировать, как развивать их? И далее: кому это предстоит делать, кто может выступить в роли субъекта будущих преобразований?

В научно-теоретической и программно-политической литературе преобладают два варианта преодоления господства олигархической системы: ортодоксально-коммунистический (правильнее было бы именовать его **псевдокоммунистический**) и «буржуазно-демократический (или либерально-демократический).

---

⁷ Цаголов Г. Конвергенционный набат. М., 2011. С. 13-14.

О двух вариантах выхода из олигархического тупика

Да, распространены два варианта. И оба – неверные.

Один – назовем его *ортодоксально-коммунистический* (правильнее было бы назвать его *псевдокоммунистическим*, ибо он исходит из идей и практики так называемого «реального социализма», который на деле «социализмом» никогда не был и имел мало общего с идеалами социалистов-классиков).

И другой – *буржуазно-демократический* (так его называют сами авторы), или - *либеральный*.

Вначале – о «реально-социалистическом». Его сторонники видят причину скатывания страны к криминально-олигархическому строю – в «предательстве» лидеров КПСС. Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин – вот, по их утверждению, люди, разрушившие «социализм» и создавшие все условия для движения страны в сторону олигархического капитализма. Что же делать? Да очень просто: надо вернуться к той исторической точке, откуда и началось то «предательское движение» - т.е. к ситуации до 85 года. И, поприжав частную собственность, проведя широкую национализацию, восстановив колхозы, госпланы и госснабы, начать с той точки новое движение, попутно исправляя некоторые недостатки прежней системы, оплодотворяя ее сталинско-андроповской государственной дисциплиной. Они всё время смотрят назад. Там, позади, ищут спасение страны. И многие, зажатые в порах современности, люди из сословия трудящихся готовы пойти за ними, поддержать их. Я хочу предостеречь этих людей. Я хочу им поведать одну, далеко не очевидную, но очень важную историческую истину.

Дело в том, что современный олигархический капитализм (как это ни покажется кому-то парадоксальным) – есть прямое, непосредственное следствие логики развития «реального социализма». Вы вернетесь туда, откуда по совершенно железной логике истории началось движение к нынешней олигархии. Современный олигархический строй – есть следствие «реального социализма», есть следующий этап его развития.

Поясню эту необычную, не часто встречающуюся в философско-политической литературе, идею.

Прежде всего, отдадим себе ясный отчет, что «реальный социализм» не был формацией, основанной на общественной собственности, социальном равенстве и народоправстве (черты, при наличии которых только и можно говорить о подлинном социализме). Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а корпоративно-бюрократическая собственность. Там не было «свободного труда» (там был труд рабов в Гулаге, полуфеодалного, бесправного, беспаспортного крестьянства в колхозах и наемных рабочих в промышленности). Там не было народоправства, вся власть – и экономическая, и политическая – сосредотачивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии.

Как же обозначить эту общественную формацию, появление которой в истории не было предсказано ни одной из существовавших тогда социальных теорий (включая марксистскую)? Это не был «государственный капитализм» (как пытаются назвать его некоторые теоретики), ибо мотив деятельности правящего сословия не был ориентирован на «прибыль». Это была не «экономическая», а скорее «политическая» формация. И это не был «социализм» - по приведенным выше соображениям.

Это, повторяю, было особое, невиданное еще в истории, непредвиденное в теории, социальное образование, которое можно было бы назвать **государственно-бюрократической формацией**.

Полностью оформившаяся к середине 30-х годов (что официальной пропагандой той поры было представлено как завершенное «социалистическое» строительство), она прошла несколько этапов – от ранних стадий сталинского и хрущевского окраса (в которых, при всей антинародности и реакционности политической формы, присутствовали элементы исторически прогрессивного содержания – модернизация, например, хотя и

очень деформированная реакционной политической формой) до поздней стадии - «брежневизма», когда под реакционной формой не осталось уже и следа исторически прогрессивного содержания.

Вообще формация эта была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там – особенно в сфере культуры и в сфере массового, «низового» политического сознания – и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового освободительного движения в Октябре 17 года. Но дирижерская палочка, направлявшая и определявшая всю деятельность социального «оркестра» была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому – «номенклатура») определяла общее лицо системы и логику ее движения.

И вот, что, уже на ранних стадиях ее функционирования, было подмечено наиболее проницательными теоретиками, хорошо знакомыми изнутри с этой логикой. Мы уже приводили свидетельства замечательного экономиста и видного политического деятеля той поры Юрия Ларина, поведавшего нам, как начало (уже с конца 20-х годов) тянуться к богатству, к обогащению бюрократическое сословие, как постепенно, потихоньку-полегоньку нацеливалось оно на то, чтобы превратить *корпоративно-бюрократическую* собственность в *частно-бюрократическую*, на то, чтобы приватизировать блага и привилегии, привязанные к бюрократическим креслам. Отвязать бы их от этих кресел и привязать к себе, лично!

А к середине 30-х годов эта тенденция уже становилась преобладающим мотивом деятельности значительной части правящей бюрократии. И это блистательно (хотя и с вполне понятной горечью) зафиксировал один из главных творцов Октября, а к тому времени вышвырнутой этой самой бюрократией из страны, Лев Давыдович Троцкий. Вот эти его, глубоко пророческие, характеристики: «Когда же напряжение отошло и

кочевники революции перешли к оседлому образу жизни . . . в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... **Шло освобождение мещанина в большевике** (выделение мое Г.В.)».

Эти слова Троцкого хорошо комментирует Егор Гайдар (он вообще умеет сказать много дельного относительно событий, *предшествующих* его реформам; вот о том, что произошло после них, у него получается много хуже). «Такие «психологические метаморфозы», - пишет Егор Тимурович, - назывались, естественно, перерождением большевиков, хотя на самом деле они доказывали как раз, что перерождения не произошло, что они остались обычными людьми, которым не чуждо ничто человеческое. Их мысли ничуть не противоречили принципам, программным документам партии. Но они хотели — как любой правящий слой после любых переворотов и революций — собственности... Конечно, первоначально речь шла не о «первоначальном накоплении», а о «первичном наедании». Они стремились вначале решить вопрос о собственности на чисто потребительском уровне, на уровне своего потребления, быта. Это еще совсем не противоречило политическим принципам партии. В конце 20-х годов был отменен пресловутый «партмаксимум», уже к середине 30-х годов разрыв в уровне жизни (жилье, продукты, вещи) между номенклатурой и «простыми советскими людьми» достиг такой же величины, как разрыв между сановниками того же ранга и беднейшей частью обывателей до революции. После войны в особо привилегированное положение наряду с традиционными отрядами номенклатуры (партэлита, госбезопасность, армия, дипломаты) попала верхушка ВПК. Всегда была богатой группой руководителей торговли. Однако постоянно растущие привилегии не могли до конца разрешить «социальный вопрос» «голодающей» номенклатуры. Аппетит приходит не просто во время еды, особенно важно, что он всегда опережает количество еды,

отпускаемой во всех лучших распределителях. Потребность в «настоящей» собственности, не только на предметы потребления, но и на землю, финансовые компании, промышленные предприятия, торговые фирмы и т. д. — вот что составляло часто неосознаваемый, но все равно мучительный «социальный комплекс». Вот тут уже потребности номенклатуры вступали в противоречие с официальными принципами партии»⁸. И снова — пророческие слова Троцкого: «Если сейчас (в 30-е годы — Г.В.)... она (номенклатура — Г.В.) сочла возможным ввести чины и ордена, то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс»⁹. (А уж 70-е годы, годы «брежневизма, были годами полного разложения государственно-бюрократической формации, годами исчерпания ею всякого исторически прогрессивного содержания, и одновременно - «золотым веком» для номенклатуры, приступившей (пока под покровом партийных лозунгов и идеологического трепя о том, что у нас «всё — для человека») к скрытному массовому «первоначальному накоплению» богатств в своих руках (в прочном, добавим, союзе с теневой, околопартийной экономикой, опорными точками которой были «Управления делами» различных партийных и государственных органов).

---

⁸ Егор Гайдар. Власть и собственность. С.262-263.

⁹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 210.

При Горбачеве, как мы уже отмечали, эта «номенклатурная приватизация», уже, не слишком таясь, шла бешено нарастающими темпами. Ну, а в 90-е годы она уже была совершенно легализована. И превратилась в олигархический шабаш.

Поэтому: вернуться к брежневско-черненко-скому времени означает вернуться не к социальному равенству и общественной собственности, а – к началу массовой номенклатурной приватизации. Вернуться к той исторической точке и вновь начать с нее – означает снова пройти тот путь движения к олигархическому капитализму, Начало которому положено брежневско-горбачевской эпохой.

В общем, решение надо искать не позади, а впереди.

Вроде бы это осознает «буржуазно-демократическая» (либерально-демократическая) мысль. Но их рецепт (что свойственно либерализму вообще) связан с «реформами» в правовой и политической сферах.

Классический образец такой программтики – большая статья трех видных деятелей либерального толка И. Клямкина, М. Краснова и Л. Шевцовой в «Новой газете» от 9 января 2012 года «В Конституции не должно быть места для вождя» (и подзаголовок: «От лозунга «даешь честные выборы!» к лозунгу «Долой самодержавие!» - имеется в виду президентское «самодержавие»). Основная мысль статьи – изменение статей Конституции таким образом, чтобы была исключена возможность, как они пишут, «президентского самодержавия» и чтобы нынешняя «президентская» республика превратилась в «парламентскую».

Статья не лишена определенных достоинств. Так, авторы славно поиронизировали над теми, кто полагает, что сегодня нет более важной задачи, чем требовать «отмены выборов» или «честного пересчета голосов». В самом деле, из-за чего тут стараться? Ну, предположим, добились, отодвинув в сторону Чурова, «честного пересчета». И, положим, подозрения подтвердились: да, избиркомом украдены в пользу единорогов 30-40 депутатских мандатов. Ну, и передали эти мандаты трем другим

парламентским партиям. Ну, потяжелели бы на десяток дополнительных мандатов Зюганов, Жириновский, Миронов. И всё? И из-за этого весь сыр-бор?..

И, наверное, есть смысл вместе с авторами попечалиться и поудивляться по поводу состава «народных трибунов» на проспекте Сахарова. Действительно, странная это была компания: премьер ельцинско-путинского призыва, бывший вице-премьер и экс-кандидат в ельцинские наследники (особенно запомнившийся в те времена богатой идеей – пересадить чиновников с иностранных машин на отечественные «Волги», да недавней виртуозной матерщиной по адресу своих ближайших соратников), путинский министр финансов, светская, как ее называют, «тусовщица» (автор приписываемого ей СМИ афоризма: если человек имеет доход меньше 20 тыс. долларов в неделю, он для меня не существует)... Ну, правда, были там и другого типа ораторы – Владимир Рыжков, Алексей Навальный. Но всё же общий состав толпившихся на трибуне весьма экзотический – этакая смесь «гремучая».

Поддержал бы я и их ироничный скепсис – по поводу необыкновенно (будто бы) «смелых» выкриков: убрать с высоких постов того, этого (как будто бы от избавления от «Того», а тем более от «Этого» что-либо кардинально изменится)...

Поддержал бы я и их идею и насчет того, что корни наших бед не в «нечестных выборах» (хотя их «нечестность», конечно, очевидна) и не в деятелях того или другого высокого ранга (хотя их несостоятельность также трудно, да и не нужно оспаривать), а в самом типе сложившейся государственной системы, в самом типе существующего политического режима – то, что они называли «монополией власти», системой «президентского самодержавия» (основы которого заложены в самой Конституции). И поприветствовал бы предлагаемые ими меры: поправить статьи Конституции, отдалив страну нашу от «президентского самодержавия» и приблизив ее к парламентско-республиканскому типу правления.

Так вот. Если бы не ситуация «края», а всего лишь вялотекущего социально-политического процесса, то их предложения можно было бы поддержать и поприветствовать: всё-таки как-никак, а в них намечены реальные шаги к улучшению – пусть не самые существенные, пусть небольшие, но всё же способствующие некоторому проветриванию политической атмосферы и созданию предпосылок для дальнейшего движения.

Ну, еще, может быть, без особых эмоций (куда особенно-то спешить, чего дергаться, если до горизонта и за горизонтом сплошная болотная жижа, по которой мы вяло и не спеша хлюпаем!), слегка, без напористости, покритиковал бы их за явную недостаточность предлагаемых ими мер, за поверхностность, «косметичность» предлагаемых ими реформ.

Но ситуация-то нынешняя не «вялотекущая», отличается она от «застоя» брежневских семидесятых. Она – предгрозовая. Тут, думаю, нужен другой тип мышления, другой тип рассуждений, существенно отличающийся от того, которому следовали авторы данной статьи. Боюсь, что их предложения (в нынешних условиях) не только не способствуют действительному решению современных кричащих проблем, но даже уводят общественное сознание в сторону от их решения (в меньшей, конечно, степени, чем нервозные требования «пересчета голосов», но тоже – в сторону, и далеко в сторону).

Следует ведь, прежде всего, выяснить, *у кого на самом деле власть?*

Авторы «Новой газеты» полагают: главная наша беда – «президентское самодержавие». Они, на мой взгляд, слишком большое, непомерно большое значение придают президентской фигуре. Они ищут способы противостояния *этому* «самодержавию», видя их в расширении прав парламента и т.п.

Да, конечно, у нас, действительно, можно сказать, «самодержавие». Но...

Но «самодержавие» высших ли должностных лиц?

Вот, для ясности, начну с исторического примера. В России, как известно, много веков было «самодержавие» царей – ни тебе Конституций, ни парламентов... Но вот одна показательная фраза. Заговорщики, придушившие Павла Первого, пришли с этим сообщением к его сыну Александру. И когда тот, услышав сие извещение, разрыдался (и от страшной вести, и от угрызений совести, и от ужаса прослыть в веках отцеубийцей), то главарь заговорщиков, граф Пален, как гласит предание, и произнес ту самую историческую фразу: «Ваше Величество, бросьте ребячиться! Утрите сопли и идите правьте Россией!».

И это – «самодержцу»!?

Самое интересное, Александр, действительно, быстренько «утер сопли» и пошел «править» Россией, отдавая, впрочем, себе ясный отчет, что если он будет «править» иначе, чем желали бы участники заговора и стоящие за ними социальные силы, то его ждет судьба Павла.

В чем же смысл этого краткого исторического экскурса? Да в том, что обычно «самодержавно» правят не лица, которые на самом верху политической лестницы, а определенные, сплоченные общим интересом **социальные силы**, и «самодержец» для них – не более, чем одно из средств (и, может быть, даже не самых главных средств) их властвования.

Так было и в далекой истории. Так было и на нашем. Авторы припомнили КПСС и статью 6-ю той, брежневской, Конституции – о монопольном правлении партии. Очень хорошее напоминание. Только о чем оно говорит? Да, о «монопольном (самодержавном) правлении»! Но не генсека, не Председателя Президиума, а – «партии». Точнее – высшей партийной номенклатуры, высшей государственно-партийной бюрократии (властвовавшей и над народом и над рядовой партийной массой).

Ведь это только казалось (со времен Сталина), что главный «самодержец» - генсек. И, кстати, Горбачев тоже поддерживал эту иллюзию, неоднократно замечая, что генсек в СССР обладал властью, какой не имел ни один деспот, ни один диктатор в

мировой истории. Но эта самая история неотразимо продемонстрировала наивность этих представлений.

Так, всемогущего (как могло казаться) «самодержца» Хрущева в 1964 году в одночасье погрузили в болото политического небытия. (Хорошо еще, что не придушили его, как Павла; хотя, говорят, всерьез рассматривался предложенный Брежневым вариант: устроить Никите Сергеевичу авиакатастрофу...). И лидер этих, сваливших Хрущева, номенклатурных заговорщиков, «дорогой Леонид Ильич», последние 6-7 лет своего «самодержавия», почти выживший из ума, продолжал председательствовать на политбюро, читал, толком сам не понимая, какие-то речи с трибун... «Самодержавие»-то сохранялось, цвело пышным цветом, но не его, генсековское, а опять-таки – номенклатурного сословия. Да и Михаил Сергеевич полетел кувырком со всех своих «диктаторских» постов, как только разошелся с одним социально-политическим слоем (поднявшим его в свое время к власти) и не нашел других социальных сил, опираясь на которые он мог бы продолжать свою лидерскую политическую деятельность. Да и Сталин-то, этот, как мнилось, «всемогущейший властитель», держался на вершине политической пирамиды так долго только потому, что в каждую эпоху умел наиболее точно выражать и защищать интересы главного на тот момент ядра номенклатурного сословия. И как только, по причине преклонных лет и нарастающего зазнайства, перестал адекватно отражать интересы этих сил, то они немедленно поспособствовали его уходу из жизни (то ли, как утверждает одна из версий, прямым убийством, то ли, что более вероятно, - своим бездействием во время приступа его болезни).

Значит? Значит, «самодержавная власть» - не столько у того, кто стоит наверху пирамиды, сколько у тех социальных сил, которые составляют ее базис, ее тело. И потому не об «ограничении власти» стоящего наверху пирамиды следует заботиться, в первую очередь (об этом «ограничении», кстати, позаботятся – когда этого потребуют их интересы – и само

ближайшее окружение «лидера», и социальные силы, командующие социальной жизнью страны; и сделают они это лучше, чем все наши поправки к Конституции). Авторы либеральной статьи ищут решение наших проблем в сфере политического – политических форм и политических институтов. Думаю, бесперспективное это дело! Разве сталинская Конституция, в которой столько прав и свобод было прописано, разве она смогла воспрепятствовать валу политических злодейств, подобных которым не знала история?

Правда, у либеральных теоретиков есть и более «грозные» предложения по способам выхода из социально-политического тупика. Например, доктор философских наук **Андрей Пилипенко** на сайте «Либеральной миссии» пишет: «революция – это *нормальная и закономерная форма исторической динамики*, независимо от того, нравится это или нет. И стремление во что бы то ни стало увильнуть, обойти, избежать ее – пагубный социально-психологический инфантилизм, ибо перенос идеала бесконфликтности в межличностных отношениях в поле исторических процессов лишь загоняет общественные болезни внутрь, многократно их усугубляя и, в конечном счёте, приводит к гораздо более тяжким и кровавым конфликтам. Иными словами, стремление избежать жертв *вообще*, оборачивается *максимальными жертвами* в будущем. Потому одна из идеологических задач – реабилитация слова «революция» и снятие с него демагогических проклятий». «Иными словами, надо перестать стесняться называть вещи своими именами, вернуть в оборот ошельмованные и искусственно выведение из оборота слова и выражения: помимо слова *революция*, это *враг* (хватит делать вид, что все друг другу друзья)...».

Вот как: **Революция!** Народная? Социальная?

Вчитаемся же повнимательней в то, что он пишет: «Перестать пользоваться дискурсом власти, - продолжает свою тираду Пелипенко, - с его лукаво-лицемерными имитациями и перевёртышами – уже было бы достижением. Пока этого нет.

Российское *«третье сословие»* ещё очень рыхло и не имеет собственной идеологии, без которой невозможна самоорганизация. Здесь-то и может пригодиться дискурс – разумеется, модернизированный – европейских *буржуазных революций*». Далее: «Задачи *буржуазно-демократической* революции, которые до сих пор в России так и не решены, лучше решать без харизматических лидеров. Но для этого требуется более взрослое, более зрелое гражданское сознание». «В обществе же намечается вызревание других установок в отношениях с властью: *закон един и обязателен для всех*. Эту ключевую формулу любой *буржуазной* революции не мешало бы артикулировать чётче и чаще».

И, наконец, решающий вывод: «Стратегия протестного движения – решение задач *буржуазно-демократической* революции. Оптимальная тактика – наращивание давления на власть в исключительно конституционных формах до тех пор, пока власть сама не перейдёт к внеправовым способам подавления протеста, и это будет очевидным образом оценено мировым сообществом».

Иначе говоря, либеральный автор ведет речь о **буржуазно-демократической** революции. И он, подобно авторам «Новой», вращается постоянно и исключительно вокруг правово-политических проблем. Ему, «буржуазному демократу» претит лишь «путинский режим бюрократии», а о господстве олигархического сословия он и думать не собирается. Добавлю еще, что он и в качестве «буржуазного демократа» крайне поверхностен. Было бы уместно (и очень ценно), если бы он противопоставил свой буржуазный демократизм буржуазно-олигархическому не-демократизму; ему бы объявил войну. Т.е. – направил бы свою буржуазно-демократическую революцию против буржуазно-олигархической, буржуазно-авторитарной, буржуазно-тоталитарной, буржуазно-самодержавной системы. У него же вообще нет размышлений о социальной базе ненавистного ему политического режима. Он не ставит вопроса, какие социальные

слои господствуют и какие, в результате его буржуазно-демократической революции, должны придти им на смену.

Или – такой знаменитый либерал, как **Андрей Илларионов**. Он считается (либералами) наиболее острым критиком системы. Но вот вся его нынешняя программа (на декабрьском 2011 года сайте):

**«Ключевые требования программы-минимум ОГД
(Общегражданского движения):**

1. Немедленное освобождение всех политических заключенных.
2. Немедленное прекращение политических репрессий.
3. Немедленная ликвидация ограничений на деятельность средств массовой информации.
4. Ликвидация ограничений и запретов на политическую деятельность.
5. Восстановление базовых гражданских свобод – неприкосновенности личности, свободы слова, свободы передвижения, свободы объединений и ассоциаций.
6. Введение уголовного запрета на вмешательство исполнительной власти в решения судов.
7. Отмена официальных результатов спецоперации 4 декабря 2011 г.
8. Расследование всех фактов фальсификаций.
9. Отставка с государственных постов и наказание всех виновных в преступлениях, совершенных 4 декабря 2011 г.

Вот и всё! Иначе говоря, при всей дерзновенности лексики, обращенной к власть предержащей бюрократии, он (как и Пелипенко) совсем не печалится по поводу самодержавного господства социальных (олигархических) слоев. В общем, у него получается, что при наличии криминально-олигархического капитала (господства тех самых ста семейств) вполне возможно реализовать его программу – устроить демократический, гуманистический политический режим.).

Думается, действительная задача – в другом: определить состав, сущность господствующих сил, понять, каков их совокупный, общий интерес и что сулит стране их

«самодержавное» властвование. Действительная задача - в ограничении, а – в перспективе – устранении их господства.

И вот, как я писал об этом в начале данной статьи, именно сотня семейств миллиардеров и являются действительными хозяевами нашей жизни (разумеется, в тесном союзе с основной массой высшего чиновничества).

Анализ расстановки *социальных* сил в нашем обществе, их коренных интересов, содержание их противостояния находится за пределами внимания и авторов «Новой газеты», и их «буржуазно-демократических» либеральных единомышленников. **И в силу этого их вариант выхода из олигархического тупика путем ремонта некоторых правовых установок оказывается социальной утопией.** С их программами мы обречены остаться в этом тупике.

Чего желать и к кому обращаться?

Если сказать в предельно общем виде, то: желать следует существенного изменения отношений собственности (и, стало быть, социального строя страны) в купе с коренным изменением политической системы.

А обращаться с этим (хотя и по-разному) – в *два* адреса: к гражданскому обществу и правящей «элите» (как она сама любит себя называть). Имея при этом в виду, что *главный* адрес – это гражданское общество.

А теперь об этом подробнее.

Об изменении отношений собственности

Из предшествующего изложения ясно: государственно-монополистическая собственность и взращенный на ней криминально-олигархический капитал должны быть потеснены, а в перспективы и вовсе – устранены.

А что – вместо? На что ориентироваться? Куда направлять ход социального корабля?

Тут не надо ничего выдумывать. Просто надо присмотреться к опыту стран, уже создавших более или менее гармоничные системы собственности и тем обеспечившие свое процветание. К опыту, например, Норвегии, Швеции, Финляндии, Голландии, в какой-то степени – к опыту Германии и Франции.

Присмотреться! Но – не значит копировать их опыт или слепо следовать ему, российская социальная реальность необычайно своеобразна. Но – уловить общую тенденцию и попробовать воплотить, преломляя ее через историческое своеобразие России.

И о чем же говорит, на что намекает эта «тенденция»?

На то, что общественный строй в этих странах перестает быть тем классическим капитализмом, каким он был в 19-м – начале 20-го веков. Он всё больше уходит от того классического варианта, обретая черты *новой общественной формации*. Которая еще не получила общепризнанного имени. Ее пытаются называть по-разному: «новое индустриальное» общество, «информационное», «постиндустриальное» и т.п. Более глубокое понимание его сущности и более точное, соответствующее этой сущности, название – еще впереди.

Социальная структура этого, еще не до конца откристаллизовавшегося, нового общества уже существенно отличается от социально-политической дихотомии (капиталист - наемный рабочий) обществ прежних времен. Новое общество становится многосоставным. В нем рождаются новые, необычные типы и виды собственности. Его социальная ткань – переплетение старых и новых субъектов собственности, сложным образом взаимодействующих друг с другом. И на место прежнего острого социального неравенства и классового антагонизма приходит сотрудничество классов, сословий, социальных групп. Расширяется поле *социального равенства*. Снижению уровня социального противостояния способствовали либеральное реформаторство 30-х годов, кейнсианская революция, рузвельтовский неолиберальный «новый курс», «революция управляющих» 30-х – 50-х годов, построение основ «социального государства» в Германии и

скандинавских странах, научно-техническая революция второй половины 20 столетия. Биполярная классово-политическая система западного капитализма 19 века перерастала в многополярный социально-политический мир, взаимодействие основных субъектов которого подвигали общество к ситуации примерного социального равенства.

Если прежде осевую линию классового противостояния можно было представить так: «капиталист (собственник средств производства) — наемный работник», то теперь ситуация изменилась и усложнилась. Частный собственник средств производства (т.е. классический традиционный капиталист) перестал быть единственным представителем господствующих в обществе социальных сил. Ему пришлось потесниться, уступая место новым «командирам» производства и социальной деятельности. В первую очередь, речь идет о *технократах*, о процессе, который в научной литературе получил название «революции управляющих» (менеджеров, технократов, техноструктуры). Управляющие заняли в экономической деятельности серьезные командные высоты, в определенной степени сопоставимые с теми, что занимали вчера собственники средств производства. Джон Гэлбрейт в «Новом индустриальном обществе» убедительно показывает, что менеджеры (техноструктура) перестали быть лишь обслуживающим капиталистов персоналом, они перестали быть просто высокооплачиваемыми наемными работниками, как то было прежде. Их роль и значение в экономике практически сравнялись с ролью и значением собственников средств производства. «Технократия» - это разновидность, специфическая форма частной собственности. Технократия - это не просто производственная компетентность и эффективность, технократия — это *частная собственность на знание, образование, информацию*, на то, что Энгельс называл «средствами развития».

Следующий новый субъект новой собственности. Научно-техническая революция изменяет роль Науки в системе

общественного производства: она всё больше становится главной и непосредственной производительной силой. Подобно технократам, деятели науки всё больше перестают быть обслугой собственников средств производства. Резко повышается их роль в экономической деятельности, их самостоятельное значение в ней. Ученый всё больше выступает в качестве самостоятельной и полноправной силы, обладающей *своей формой собственности — на научное знание* (эту главную во второй половине XX века производительную силу) -

Четвертая социальная общность - государственное чиновничество, государственная бюрократия. И она в значительной степени перестает быть «приводным ремнем» класса частных собственников. Развитие планирования, программирования в региональных и общенациональных пространствах, разработка и осуществление масштабных общенациональных проектов — делают бюрократию *самостоятельным и влиятельным субъектом экономической деятельности.*

Так формируются по меньшей мере *четыре* социальные общности, обладающие *примерным паритетом и примерным равенством* сил и возможностей, которым предстоит не конфронтировать друг с другом, а *договариваться* о совместной деятельности.

В итоге господствующая социальная общность становится *многосоставной*, ее части имеют не только некий общий интерес, но и разные мотивы деятельности. И главное: прежний доминирующий стимул экономической деятельности, присущий «капиталистам» (т.е. частным собственникам средств производства), - получение максимальной прибыли — перестает быть всеопределяющим для производства. Так, для менеджеров — важен устойчивый, стабильный и эффективный рост производства; для людей науки — обеспечение условий для развития научного знания; для бюрократии — расширение экономической деятельности государственных структур и обеспечение цивилизованной работы рынка.

И, наконец, тип «наемного работника», характерного для современного западного общества. У него появляется новое содержание потребностей и интересов, новые мотивы борьбы с господствующими социальными слоями. В связи с НТР, распространением высоких технологий, автоматизацией многих производственных процессов в экономической деятельности начинают доминировать работники высокой квалификации (со средним специальным, а то и высшим образованием); низкоквалифицированные «синие воротнички» прежней эпохи уступают ведущее, доминирующее место в производстве работникам в «белых воротничках». Сословие наемных работников, кроме того, активно пополняется и инженерно-техническим персоналом (основная масса которого, в особенности в низовых производственных звеньях, перестает быть «привилегированной» рабочей силой и по своим функциям, по своему материальному и социальному положению сближается с традиционным рабочим классом). «Техническая интеллигенция», пишет Автор, бывшая прежде компактной привилегированной прослойкой, теперь разделяется: ее верхние слои становятся органической частью сословия управляющих, а нижние (и наиболее массовые) — органической частью «совокупного наемного работника».

Формируется, таким образом, по сути, новая социально-классовая общность — класс современных наемных работников. От прежнего «пролетариата» их отличает, во-первых, достаточно высокий материальный уровень жизни. Прежнему «пролетариату», по справедливому уверению Маркса, «нечего было терять, кроме своих цепей». Современному наемнику — уже есть что «терять», он уже не стоит перед дилеммой, сформулированной Марксом: нищета и гибель в капиталистическом аду или победа в революции. Современный совокупный работник и без революции в состоянии добиваться серьезного улучшения своего материального и культурного бытия: он имеет сильные и влиятельные профсоюзы, способные защищать его интересы, он имеет свои политические партии, получающие нередко значительное число депутатских мест

в парламентах, — и с их помощью он имеет реальную возможность защитить и расширить свои права Человека и Гражданина.

Да и противостоящий ему «совокупный» собственник (средств производства, средств управления, научных производительных сил) - весьма сложное и внутренне противоречивое образование, отдельные части которого отнюдь не склонны к жесткой конфронтации с представителями современного наемного труда. Возможности нахождения социальных компромиссов, мирного, «цивилизованного» решения социальных конфликтов и проблем значительно возрастает.

Это - не ситуация середины XIX века, не ситуация, которую анализировал тогда Маркс и из которой он не видел иного выхода, кроме грозной революции, перед неизбежностью которой должны «содрогаться» господствующие классы.

Вот, стало быть, каковы современные субъекты социально-экономического процесса в наиболее развитых странах: *традиционный собственник* средств производства, *менеджер* — собственник «средств управления», *ученый* — собственник Знания, главной производительной силы современности, *государственный служащий* средств «контроля и содействия» социальным процессам, наконец, *современный работник* — весьма образованный, культурный человек, обладающий возможностью защитить свои права и интересы с помощью созданных им профсоюзов и политических партий.

И еще одна важная особенность развития названных выше западноевропейских стран, которая должна быть в должной степени оценена и, в переработанном для российских реалий виде, включена в преобразовательные программы российского бытия.

Особенность эту можно охарактеризовать как *процесс конвергенции* (сопряжения, взаимопроникновения) капиталистических и социалистических начал в экономике, как *конвергенцию* капиталистических и социалистических ценностей в рождающейся новой идеологии современного мирового развития.

В этом плане особенно значима *конвергенция* (сочетание, взаимодействие в рамках единой системы) разных форм собственности – общественной и частной, крупной и средней, собственности на средства производства и собственности на средства управления. А также – конвергенция плана и рынка. В сфере политики – сочетание широкой низовой демократии и диктатуры закона, в сфере идеологии – равенства и свободы, в социальной сфере – гражданского общества и политической «элиты». В итоге такого рода многочисленных и разноплановых взаимодействий формируется **конвергентное общество**.

Эта особенность современного социального развития легла в основу (разработанной, в первую очередь, Андреем Сахаровым и Юрием Буртиным) плодотворной концепции разделения мировой истории на «конвергентную» и «доконвергентную» эпохи. А на основе этого – разделение этапов капиталистической формации на «доконвергентный» и современный – «конвергентный». С этой точки зрения, «конвергентный» капитализм – есть нечто среднее между капитализмом и социализмом (что-то вроде «капитализма-социализма», или, что тоже самое, – «социализма-капитализма»).

Приложение этой методологии к исследованию социальной истории нашей страны дает весьма содержательные результаты, помогающие понять логику прошлого и возможности движения в будущее. Так, мы уже отмечали, что к рубежу 80-х – 90-х годов у нас в результате «номенклатурной приватизации» у нас сложился строй «номенклатурного капитализма». «Номенклатурный капитализм, – пишет Ю. Буртин (и я с ним целиком согласен, ибо выработывались все эти понятия и все эти концепции в тесном со мною соавторстве – Г.В.) , – это один из вариантов «доконвергентного капитализма» (т.е. «обнаженно классового общества с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью «верхов» и «низов», с взаимной подозрительностью и злобой» — в общем, капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития,

например, в эпоху первоначального накопления или в эпоху, описанную в «Капитале» Маркса)». В России он пришел на смену доконвергентному (же) социализму - тому «реальному социализму», который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма: «В самом деле, - продолжает Буртин, — провозгласили диктатуру пролетариата — получили диктатуру партаппарата. Поставили целью бесклассовое общество — оно обернулось безраздельным господством «нового класса», партийно-советско-ведомственной номенклатуры. Национализировали всё и вся, заменили частную собственность «общенародной» — она быстро стала фактическим достоянием той же номенклатуры, правда, коллективным и анонимным. Объявили о прекращении эксплуатации человека человеком — и создали режим, при котором колхозник мог завидовать своему крепостному предку, потому что нёс тяготы барщины (на колхозном поле) и оброка (со своего приусадебного участка) одновременно, труд же рядовых рабочих и служащих оплачивался в несколько раз ниже реальной стоимости их рабочей силы. В противовес капиталистической анархии производства строили высокорациональное хозяйство — получили экономику всеобщей бесхозяйственности, чудовищно перекошенную, безумно расточительную и неэффективную». И к середине 80-х, что совершенно естественно, «реальный (доконвергентный) социализм» оказался в историческом тупике, которого формой прогрессивного выхода мог быть только переход к конвергентному обществу. Не столь даже важно — социалистического или капиталистического типа, ибо конвергентный капитализм и конвергентный социализм не антиподы, а родственные системы, ибо в них — в тех или иных пропорциях — сочетаются капиталистические и социалистические черты и ценности, что и составляет определяющую черту конвергентности. Правда, для России того времени, справедливо считает Ю. Буртин, больше подходил вариант конвергентного социализма — к этому толкали традиции общественного сознания той эпохи бывшие в массе своей социалистическими. Но вместо этой прогрессивной возможности

осуществилась другая: страна перешла даже не к конвергентному капитализму, а к капитализму доконвергентному. То есть она не сделала шаг вперед, а, по выражению Буртина, просто «перевернулась на другой бок», оставшись на том же самом тупиковом и бесперспективном месте.

Ну, а теперь: чего желать, учитывая изложенный выше мировой опыт и специфику российской истории?

Что (делать)? Как (делать)? Кому (делать)?

(Или: Что? Как? Кому?)

Что?

Главное: создать конвергентное общество. То есть - общество, в котором органически соединились бы черты либерализма и социализма.

Это означает (более конкретно):

1. Сосуществование и цивилизованное взаимодействие всех (за исключением криминально-олигархических) видов собственности: а) частной, государственной, кооперативной; б) крупной частной собственности, средней, мелкой, мельчайшей.

2. Сосуществование и демократическое взаимодействие всех пяти (охарактеризованных выше) субъектов социально-экономического процесса в конвергентном обществе: а) собственников средств производства – частных предпринимателей; б) собственников средств управления – менеджеров; в) собственников научного знания – ученых; г) собственников рычагов государственного управления и контроля - госчиновников; д) собственников рабочих рук и интеллектуальных способностей – современных наемных работников.

3. Конвергенция плана и рынка.

4. Сочетание широкой низовой демократии и диктатуры обязательного для всех закона.

5. Конвергенция гражданского общества и политической «элиты» (снятие перегородок между ними; политизирование гражданского общества и «огражданивание» - политического).

6. Конвергенция политики и морали (за нравственную политику!).

7. Гуманизация всех аспектов социальной жизни – экономики, политики, культуры

Как?

Чтобы реализовать намеченные выше цели, надо потеснить, ограничить, а потом и свести на нет господство олигархического капитала.

Как это можно сделать?

1. Постепенно национализировать природные ресурсы и стратегически важные отрасли экономики (нефтегазовую отрасль, электроэнергетику, пути сообщения, ВПК, незаконно приватизированные предприятия) – используя выкуп, минимизируя долю участия крупного частного капитала в национализированных отраслях. Национализировать незаконно приватизированные объекты.

2. Отделить власть от частной собственности. Подчеркиваю: не от собственности вообще, а от *частной* собственности. От государственной, национализированной собственности власть отделять незачем.

3. Только это должна быть *другая* власть (не такая, как сейчас) – народная, народно-демократическая. Для этого нужна глубокая реформа политической системы:

- изменение статей Конституции в целях формирования в России *парламентской* республики;

- расширение системы *выборности* администрации (губернаторов, мэров, руководителей муниципалитетов, судей и т.п.);

- принятие нового закона о политических партиях, облегчающего их создание, развитие, участие в парламентских выборах, во всей политической жизни страны;

- изменить избирательную систему: резко снизить процентный барьер прохождения в Думу; восстановить минимум явки избирателей, при котором выборы могут считаться состоявшимися; восстановить графу «против всех» в избирательных бюллетенях; восстановить порядок выборов, при котором шло голосование и по партийным спискам, и по одномандатным округам; запретить включать в избирательный партийный список лиц, собирающихся впоследствии отказываться от депутатских мандатов; обеспечить реальную возможность для отзыва депутатов; и т.п.

4. Заменить плоскую (для всех одинаковую, тринадцатипроцентную) налоговую шкалу системой прогрессивного налога.

5. Ввести временный мораторий на вывоз (перевод) крупных капиталов за границу, на покупку зарубежных спортивных клубов и крупной недвижимости за рубежом.

6. Вернуть стабилизационный фонд в Россию.

7. Способствовать «структуризации», «осоюзиванию» гражданского общества, оказывать помощь (в том числе – финансовую, материальную) в создании структур, организаций гражданского общества, обеспечить расширение их контрольных функций за деятельностью государственных органов, чиновничества.

8. Отказаться от реформ, осуществленных в последнее десятилетие в сферах образования, здравоохранения и жилищного хозяйства, осуществленных в интересах и под давлением олигархических структур; способствовать формированию подлинно социального государства.

Подавление власти олигархии должно сочетаться с развертыванием работы по стимулированию формирования и развития тех пяти субъектов социально-экономической жизни (о которых мы писали выше):

1. Обеспечить государственную политико-правовую защиту всех форм цивилизованной частной собственности (от крупной и средней до мелкой и мельчайшей) – защиту от государственно-монополистического, криминально-олигархического бизнеса – и тем способствовать формированию слоя цивилизованных собственников средств производства материальных благ.

2. Выработать (в рамках общей модернизационной программы) государственные программы по подготовке современных менеджеров.

3. Создать хорошо финансово обеспеченную инфраструктуру развития Науки и Высшего образования.

4. На основе описанной выше реформы политической системы способствовать формированию слоя демократических, социально ответственных и подконтрольных гражданскому обществу чиновников.

5. Способствовать созданию и государственной-правовой защите организаций работников физического и умственного труда, организаций, имеющих цель защиты их интересов. И в первую очередь - профессиональных союзов нового типа, которые были бы не «приводными ремнями власти» (как нынешние, шмаковские, профсоюзы), а подлинно независимыми организациями – независимыми от давления и частных собственников, и государственной бюрократии. И - «зависимыми» лишь от воли и чаяний трудящегося сословия.

Кому?

Кому это всё делать? К кому обращаться с этими идеями и концепциями?

Мы сказали: в два адреса: к гражданскому обществу и господствующей ныне политической и экономической «элите». Оговорившись при этом, что главный адрес – это гражданское общество, это те интеллектуальные, культурные, политические силы, которые способны взять на себя функцию выражения его, гражданского общества, интересов.

Ну, и с чем же обратиться? К чему звать?

Начать бы с довольно скромного призыва: всерьез изучать логику современного социального процесса. Постараться ответить на вопрос – не «куда вести Россию?», а – «куда идет Россия?». И только поняв эту логику объективного направления движения, имеет смысл ставить вопрос: а как можно встроиться в эту логику, как изнутри повлиять на нее, как повлиять на маршрут движения, как изменить его?

И тут, прежде всего, неплохо бы избавиться от некоторых ходовых и бессмысленных постулатов, претендующих на то, чтобы выразить эту логику.

Вот сегодня многие (от Зюганова до самых радикальных либералов), с претензией на глубокомудрие, заявляют: «Лимит на революции для России исчерпан. Только эволюция!»

Откуда они это взяли? Какие у них есть основания для подобных утверждений? То, что они *не хотят, не желают* социальных изменений через революции, то, что они *хотели бы* предупредить их и подтолкнуть российское общество на реформистский, эволюционный путь – это одно дело. Другое – куда, *независимо от их воли и желаний*, катится колесо российской истории?

Я бы не зарекался ни от чего. Какие формы могут принять те или другие социально-политические изменения – зависит не столько от желаний тех или других политиков или публицистов, сколько от воли *народной*, и еще во многом от того, насколько эта воля будет детерминирована деятельностью господствующих социальных и политических сил. Скажу вещь, может быть,

парадоксальную, но подтверждаемую всем историческим опытом: революции подготавливаются не столько пропагандой и деятельностью народных вожаков, сколько политикой господствующих социальных и политических сил. Наиболее дальновидные мыслители, которых принято называть «революционными идеологами», к примеру - Радищев, Герцен, Чернышевский (в «Письмах без адреса»), стремились предупреждать правящие круги о том, что их классово-эгоистическая политика может привести к революционному взрыву (который может обернуться большой бедой не только для правящего сословия, но и для неподготовленных к собственному правлению масс народных) и давали рецепты глубоких реформ, способных удержать общество от революционных катастроф. И только тогда, когда правящие силы, по причине своего экономического эгоизма и политической недалекости, доводили общества до социального кипения и когда, доведенные до отчаяния правящим беспределом, массы выходили на улицы – тогда многие из этих «революционеров-реформаторов» вынужденно вставали во главе бушующих народных сил, дабы смягчить их чересчур разрушительные («бессмысленно-разрушительные») устремления, снизить уровень «беспощадности» бунта и направить его в созидательное, максимально цивилизованное русло.

Повторяю: революции «готовят», в первую очередь, корыстолюбие, эгоизм и бездарность правящих. Революция готовится теми, кто монопольно, самодержавно и самодурно правит обществом, кто не умеет отступить, идти на компромиссы, самореформироваться. Не можешь самореформироваться? – Тебя реформируют другие. Будешь долго и злобно упираться, стремясь всеми способами удержаться у власти – готовься к взрыву народной стихии, в том числе, к бунтам беспощадным и нередко, увы, бессмысленно-беспощадным.

В общем, каких-то абсолютных гарантий против революций никто дать не может. «Лимит на революции» будет «исчерпан»

только тогда, когда будет «исчерпан» лимит на наглое политическое насилие, на криминально-олигархическую деятельность. Не желаете тяжелых последствий для себя (и для страны) – приступайте, в союзе с гражданским обществом, к глубоким, масштабным социально-экономическим и политическим реформам. Не откладывая ни на один день. Сегодня, сейчас.

Вот почему есть смысл – *обратиться и к господствующим социально-политическим силам*. Предупредить их, подсказать им, что делать и чего не делать – в интересах не только общества, но в *их собственных интересах*.

Ну, а что же самому гражданскому обществу делать? Пассивно ждать, пока «элита» прочухается и начнет самореформироваться? Но надежды на это мало, уж больно вольготно обустроилось «высшее» наше общество.

Наверное, главное сегодня для небезразличных к судьбе отечества граждан – понять, что корни наших бед и главные причины грядущих опасностей не в сфере политики и права, не в несовершенстве «выборов» или тех или других «статей Конституции». Это всё следствия, второстепенные вещи. Главное – в нашем социально-экономическом устройстве, главное – в самодержавии олигархического сословия и его союзников в политической системе. Сосредоточиться на понимании этого, на разъяснении этого другим, на коллективном поиске ответов и решений на этом, а не каком-то другом направлении. По-видимому, мы должны пройти полосу **просветительской деятельности** – так, как это было накануне великих событий в Европе (Нидерландах и Англии 17 века, Франции – 18-го, и России – 19-го). Герцен как-то сказал: «Нельзя освободить человека вовне больше, чем он свободен внутри». Задача Нового Просвещения и состоит, в частности, в том, чтобы основная масса граждан овладела новым типом политической культуры - гуманистическим и подлинно демократическим. И постепенно, в процессе такого рода просветительской деятельности, и будет вырабатываться план дальнейших действий гражданского общества.

Да, сегодня социально-политическая ситуация становится всё более угрожающей. Граждане уже массово выходят на улицы. По известной формуле: «низы не хотят», «верхи» - в ступоре – «не могут». Как такая ситуация называется – известно даже из школьных учебников. Но «низы» эти безголосые и безпрограммные. И голос, увы, им пытаются поставить некоторые, особо активные, вожаки, толкающие их (как то уже было в годы Перестройки и ельцинизма) из одного хлева в другой хлев. Успеть оттеснить этих, витийствующих на трибуне, успеть прояснить действительные интересы мятежных масс, дать им, как это говорилось когда-то, - «истинный лозунг борьбы». Просветить! Поздновато? Да, лучше бы пораньше. Но я тебе вот что скажу: действительных «друзей народа» оттесняли от СМИ, телевидения, общественных трибун не только властвующая поганая бюрократия (и ее столь же поганые олигархические союзники), но и допущенная ими к владению целым рядом газет, журналов, «буржуазная демократия».

Да, поздновато! Но, во-первых, альтернативы другой нет – не бежать же, «задрав штаны» за Немцовыми, Кудриными, Касьяновыми, Ксюшей... А во-вторых, нынешние граждане это не темный народ 18-го, 19-го веков, они способны к быстрому схватыванию толковых вещей. (Вот, кстати, типичный образчик рассуждений идущего на митинг, взятый мной из СМИ: «никого из стоящих на трибуне не поддерживаю, но на митинг всё же пойду»). Вот так: стоит, качается не знающая, куда двигаться, толпа, и слушает тех, кого не поддерживает...). Да, наконец, и третье: не надо думать, что для схватывания нужного в данный исторический момент слова, нужны десятилетия. Между Гельвецием и Робеспьером – всего 15 лет. А сегодня и «Гельвеции» - помудрее (всё-таки имеют преимущество в историческом опыте), и «Робеспьеры» (наученные его гильотинами и сталинскими лагерями) – поосторожнее и погуманнее.